

Дата создания страницы: 201410XX

Наименование: Русский язык, церковный старославянский язык, ...

Предшествующие отношения:

Хронология развития:

--	--	--	--	--

Библиографические источники и документы:

1847	Спб.	Энцикл. словарь	Старчевский А.В.	Издатель
1891		Словарь	Венгеров	
1895		Записки	Глинка С.Н.	
1899		Портфели Г.-Ф. Миллера	Голицин Н.В.	
1930		Записки	Греч	

Прочие артефакты

1900	Место	Русский библиографический словарь	Автор	Источник
1912		СПб Некрополь		

Утверждения:

-
-

Вопросы:

-

Ключевые слова:

Рекомендуемые ссылки: [Николай Иванович Греч \(1787-1867\)](#)

Копии страницы: ...

[Словарь Академии Российской \(1789\)](#)

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1983 (извлечения)

Остромиров о евангелие 1056—1057 гг. По своему характеру эта книга евангельских чтений, расположенных в том порядке, в каком они читались в церкви в течение года. Это евангелие было переписано со старославянского оригинала дьяконом Григорием, по происхождению, предполагают, киевлянином, для новгородского посадника Остромира

(отсюда и название евангелия). Григорий был, вероятно, вызван в Новгород, где со своими помощниками и переписал евангелие. Так как этот памятник был создан на Руси, язык его содержит ряд древнерусских особенностей (наиболее характерно в этом отношении Послесловие к евангелию). Остромирово евангелие издавалось три раза: в 1843 г. А. Х. Востоковым, а в 1883 и в 1889 гг. фотолитографированным способом на средства купца Савинкова. Памятник хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Архангельское евангелие 1092 г. написано, вероятно, где-то на юге, но каким-то образом попало впоследствии на север, в Архангельск, где и было найдено. Евангелие издано в 1912 г. В настоящее время хранится в Москве в библиотеке им. В. И. Ленина.

Новгородские служебные минеи 1095—1097 гг.— три книги чтений религиозных песен и гимнов, расположенных по дням и месяцам (минейя — греч. „месячный“). Изданы в 1881 г. И. В. Ягичем. Хранятся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Святославовы изборники 1073 и 1076 гг. созданы в Киеве для князя Святослава дьяконом Иоанном. Является своеобразной энциклопедией тогдашних знаний в разных областях жизни: в нем собраны сведения по астрономии, о тропах и фигурах художественной речи, указано, какую пищу следует употреблять в разное время, даются сведения о количестве и мере. К 1076 г.— это сборник статей религиозно-нравоучительного характера. Он написан на основе „княжьих книг“, т.е. книг, хранившихся в библиотеке Святослава. Первый Изборник был издан в 1880 г., находится в Москве, в Государственном Историческом музее; второй был издан в 1876 г., но издание это было мало удовлетворительно; в 1965 г. он был вновь издан Академией наук СССР с комментариями и указателями. Рукопись в настоящее время хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

От XI в. сохранилось предположительно еще несколько книг (например, Чудовская толковая псалтырь. Евгеньевская псалтырь и некоторые другие), однако, как видно, еще больше рукописей не сохранилось. Так, „Книга пророков“ новгородского попа Упыря Лихого (1047 г.) дошла до нас только в списке XVI в.

К XI в. относится и оригинальная надпись на Тьмутараканском камне (1068 г.), где говорится об измерении князем Глебом ширины Керченского пролива. Интерес этой надписи для историка языка в том, что в ней отражается ряд черт, свойственных, как видно, живому русскому языку того времени (употребление перфекта без связи).

От XII в. дошли памятники юридического характера. Мстиславова грамота — одна из древних дошедших до нас русских грамот. По содержанию это дарственная сына Владимира Мономаха великого князя киевского Мстислава и его сына новгородского князя Всеволода Юрьевскому монастырю под Новгородом. Написанная золотом на пергаменте, эта грамота была дана, вероятно, в Киеве около 1130 г., когда там встретились оба князя. Во всяком случае, она не могла быть написана после 1132 г., так как в этот год Мстислав умер. Грамота Варлаама Хутынского написана предположительно после 1192 г. в Новгороде и является духовным завещанием. К этому времени относятся и некоторые новгородские берестяные грамоты.

К памятникам XII в. принадлежит также ряд церковных книг: Мстиславово евангелие 1117 г., написанное для новгородского, а позже киевского князя Мстислава. Памятник под названием „Апракос Мстислава Великого" издан Академией наук СССР в 1983 г. Юрьевское евангелие, созданное, вероятно, в Киеве в 1120 г. для одного из новгородских монастырей. Хранится в Историческом музее. Добрилово евангелие 1164 г., южное по происхождению и интересное тем, что в его орфографии отражается процесс падения редуцированных. Хранится оно в библиотеке им. В. И. Ленина. Наконец, из недатированных памятников XII в. можно назвать еще Успенский сборник (назван так потому, что был найден в Успенском соборе в Москве), в состав которого вошли Житие князей Бориса и Глеба и Житие Феодосия Печерского — оригинальные русские произведения, написанные со старославянских оригиналов. Успенский сборник издан в 1971 г. АН СССР.

Следует назвать Договорную грамоту Смоленска с Ригию и Готским берегом (1229 г.), в которой ярко отразился процесс падения редуцированных, а также ряд диалектных особенностей, свойственных древнему смоленскому говору. Грамота 1229 г., как и другие смоленские грамоты, издана в 1963 г. Этому же времени принадлежат и некоторые новгородские грамоты.

К рубежу XIII—XIV вв. относится недатированная Новгородская летопись (по Синодальному списку). (Неизвестного писца) 1377 г., созданная в Суздале. В ней заключен древнейший летописный свод — „Повесть временных лет". Хранится летопись в Ленинграде, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

От XIV в. до нас дошли первые московские памятники: Духовная грамота Ивана Калиты 1327—1328 гг.; Сийское евангелие 1340 г., найденное в Сийском Антониевом монастыре (в этом памятнике впервые отражается аканье); Московское евангелие 1393 г., характеризующееся ярким отражением аканья. К этому же времени относится и ряд рязанских, новгородских, тверских, ярославских, двинских и полоцких грамот.

Следует указать еще на Хронику Георгия Амартола — памятник XI в., дошедший в списке XIV в. Хроника переведена с греческого, язык ее близок к старославянскому, но перевод, возможно, был осуществлен на Руси.

От XV в. сохранились двинские грамоты, описанные А. А. Шахматовым в работе „Исследование о двинских грамотах XV в." (СПб., 1903), а также московские, ярославские и рязанские. В XV в. было создано и Хожение за три моря тверского купца Афанасия Никитина (дошло оно до нас в списках XVI—XVII вв.) — рассказ о его путешествии в Индию, составленная, возможно, в Пскове, а также ранний список Задонщины (1470 г.).

К XVI в. относится список Слова о полку Игореве. Однако он, как и подлинник XII в., не сохранился: погиб во время московского пожара 1812 г. До нашего времени сохранилось издание этого списка, сделанное в 1800 г. Кроме того, еще до пожара Москвы с того же списка была снята копия для Екатерины II. Эта екатерининская копия также была впоследствии издана.

В середине XVI в. в России появилось книгопечатание. В Москве была основана царская типография, в которой работали первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец. В 1564 г. в этой типографии выходит первая русская датированная печатная книга — „Апостол".

Вслед за этой книгой, уже в XVII в., выходят и другие печатные книги. В их числе следует назвать Соборное Уложение 1649 г. — свод законов Московского государства, исследованное П. Я. Черных в книге „Язык „Уложения 1649 г.“* (М., 1953).

Однако и в XVI и в XVII вв. создаются по-прежнему и рукописные книги, например: Судебник Царя Ивана Грозного 1550 г., дошедший в списках XVII в., Домострой, Книга Большому Чертежу 1627 г., Житие протопопа Аввакума (между 1667 и 1682 гг.) и др.

В числе рукописных материалов, относящихся к XVII — XVIII вв., особый интерес представляют отказные и таможенные книги с южно-великорусских территорий, вследствие чего в них ярко отразились диалектные особенности, а также Вести-куранты — собрания различных известий из-за границы, которые составлялись для царя. (Вести-куранты являются предтечей русской периодической печати.) Ряд отказных и таможенных книг и Вести-куранты 1600—1648 гг. были изданы в 70-х — начале 80-х годов Академией наук СССР.

Особо целесообразно называть издания московских деловых документов и бытовой письменности XVII—XVIII вв., которые также были осуществлены в последние годы. Издание этих документов и их изучение позволили пересмотреть ряд важных моментов в истории складывания московского койне.

Начало изучения истории русского языка было положено М. В. Ломоносовым (1711 — 1765), который в своей „Российской грамматике“ (1755) охарактеризовал некоторые моменты, связанные с историческим развитием русского языка. Он впервые наметил диалектное членение русского языка, выделив в „русском языке“ три диалекта: московский, поморский и малороссийский.

Наиболее интенсивно разработка истории русского языка начинается в XIX в., когда языкознание становится и в России и на Западе особой отраслью науки. Именно в это время начинается собирание и изучение древних рукописных памятников.

Из ученых-лингвистов этого времени прежде всего надо назвать А. Х. Востокова (1781 — 1864). В 1820 Востоков наметил периодизацию в истории русского языка, выделив в этой истории три периода: древний (IX—XV вв.), средний (XV—XVI вв.) и новый. Ему принадлежат две грамматики русского языка (сокращенная и полнее изложенная, 1831 г.), „Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума“ (1842), первое издание Остромирова евангелия и „Словарь церковнославянского языка“ (1858—1861).

В ряду историков языка видное место занимает И. И. Срезневский {1812—1880), который с 1846 г. работал в Петербурге и в 1849 г. написал сочинение „Мысли об истории русского языка“. Наиболее ценным его трудом явились „Материалы для словаря древнерусского языка“ (труд этот не был закончен; переиздан в полном виде в 1958 г.). Три тома этих „Материалов“ содержат огромное количество фактов, выбранных из многочисленных памятников древнерусской письменности.

Основоположителем исторической грамматики русского языка явился Ф. И. Буслаев (1818—1897), который работал и в области литературы, и в области языкознания. В 1844 г.

появился его труд „О преподавании отечественного языка". В 1847 г. Буслаев написал сочинение „О влиянии христианства на славянский язык", где дал языковой анализ Остромирова евангелия. В 1858 г. был создан „Опыт исторической грамматики русского языка", а в 1861 г. вышла „Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков" — первые учебные пособия по истории русского языка. „Опыт" Буслаева состоял из двух частей („Этимология" и „Синтаксис"), где систематически излагались вопросы исторической фонетики, морфологии и синтаксиса.

Большую роль в развитии изучения истории русского языка сыграл выдающийся ученый, работавший в Харькове,— А. А. Потебня (1835—1891). Основным его трудом является капитальная работа „Из записок по русской грамматике" (I—II т.— 1888 г., III т.— 1899 г., IV т.— 1941 г.; переиздание: т. I—II— 1958, т. III— 1968, т. IV, вып. I— 1985, т. IV, вып. [I—1977 г.). II—IV тома посвящены вопросам исторической грамматики русского языка, главным образом вопросам исторической морфологии и синтаксиса. **Потебня положил начало историческому изучению словарного состава русского языка.**

Развитие изучения истории русского языка в последней четверти XIX в. и в начале XX в. связано с именами двух крупнейших русских ученых — акад. А. И. Соболевского (1856—1929) и акад. А. А. Шахматова (1864—1920).

А. И. Соболевский вышел из школы Буслаева и был крупным оригинальным ученым. В области истории русского языка эпоху составила его диссертация „Очерки из истории русского языка", где в историческом плане рассматривались древние галицко-волинский и псковский говоры и где исследование строилось на основе изучения письменных памятников. Соболевскому принадлежат „Лекции по истории русского языка" (1888, последнее изд., 1907) — учебное пособие, насыщенное огромным материалом, извлеченным из памятников и народных говоров, с объяснением этих фактов (хотя во многом и устаревшим ныне), А. И. Соболевский создал также „Очерк русской диалектологии" (1892), насыщенный обильным материалом и охватывающий не только русский, но и украинский и белорусский языки. Он занимался и вопросами истории письменности, издал серьезный труд „Славяно-русская палеография" (1908), в определенной степени сохраняющий свое научное значение до настоящего времени.

Шахматов — это представитель школы Ф. Ф. Фортунатова в русском языкознании, школы строгой научной точности, точных методов лингвистического анализа. Работы Шахматова „Курс истории русского языка", чч. I — II (1910—1912), „Очерк древнейшего периода истории русского языка" (1915), „Исследование о двинских грамотах XV в."

Из последователей Соболевского можно назвать проф. Н. М. Карийского (1873—1935), занимавшегося историей русского языка и русской диалектологией. Его основной труд „Язык Пскова и его области в XV в." (1909) — опирается в методах исследования на диссертацию Соболевского. К продолжателям традиций этой школы относился и проф. П. Я. Черных (1895—1970), много сделавший в изучении истории русского языка (см. его книги „Историческая грамматика русского языка" (1-е изд.— 1951 г., 2-е изд.— 1954 г., 3-е изд.— 1962 г.), „Язык „Уложения 1649 года" (1953), „Очерк русской исторической лексикологии" (1956) и многочисленные статьи по истории русского языка).

В числе последователей Шахматова выделялся Н. Н. Дурново. В 1924 г. вышла его книга „Очерк истории русского языка“, в которой популяризировались идеи Шахматова, но она имела и имеет и большое самостоятельное значение, представляя систематическое изложение истории и диалектологии восточно-славянских языков. Н. Н. Дурново принадлежит также „Введение в историю русского языка“ (Брно, 1927, издано в Москве в 1969 г.) и ряд интересных работ по исторической фонетике и диалектологии русского языка.

Заслуживает упоминания и рано умерший талантливый лингвист Л. Л. Васильев, создавший ряд исследований языка по данным письменных памятников, в частности, работы по истории в московском говоре, о значении коморы в древнерусских памятниках, о сочетании кл, гл в памятниках письменности и др.

Учеником Шахматова являлся и С. П. Обнорский (1888—1962), занимавшийся вопросами исторической морфологии (см. два больших труда: „Именное склонение в современном русском языке“, т. I, 1927; т. II, 1931 и „Очерки по морфологии русского глагола“, 1953) и историей русского литературного языка (см. „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“, 1946).

Вопросам исторической фонетики в свое время уделял внимание и другой ученик Шахматова — В. В. Виноградов (1895—1969) (см. его „Очерки по истории звука *t* в северно-русском наречии“, 1919), впоследствии занимавшийся вопросами изучения русского литературного языка, стилистики и языка писателя. В. В. Виноградов является создателем науки об истории русского литературного языка (см. его книгу „Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.“ (изд. 1.— 1934 г., изд. 3—1983 г.) и работу „Основные этапы истории русского языка“ в журнале „Русский язык в школе“, 1940, № 3—5, а также монографии и многочисленные статьи о языке крупнейших русских писателей — Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и др.). Большое значение для истории русского языка имеют работы В. В. Виноградова по лексике — по истории различных русских слов.

Интересным лингвистом был Л. П. Якубинский (1892— 1945), книга которого „История древнерусского языка“ впервые была издана в 1953 г. В этом труде основное место занимают проблемы истории литературного языка, а также исторической морфологии и исторического синтаксиса.

В области изучения исторического синтаксиса значительный интерес представляет работа Е. С. Истриной (1883—1957) „Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи“ (1923), являющаяся важным источником для изучения проблем истории развития синтаксической системы русского языка.

Для изучения истории русского языка много сделали славяноведы: Б. М. Ляпунов (1862—1943), написавший „Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи“ (1889);

А. М. Селищев (1886—1942), создавший несколько книг „Западнославянские языки“ (т. I „Славянского языкознания“, 1941) и пособие „Старославянский язык“ (1951 — 1952) и Диалектологический очерк Сибири“ (1921) — книгу, содержание которой шире ее названия

(в ней рассматриваются звуковые явления, которые связывают говоры Сибири с северно-великорусскими диалектами европейской части нашей страны);

Л. А. Булаховский (1888—1962), автор „Исторического комментария к русскому литературному языку" (эта книга переиздана в 1953 г как т. II „Курса русского литературного языка") и ряда работ по истории акцентологических отношений в русском и иных славянских языках.

В послевоенные годы и особенно с конца 50-х — начала 60-х годов нашего века развернулась широкая деятельность советских ученых, занимающихся проблемами истории русского языка и диалектологии. За это время появилось много работ в области исторической фонетики и фонологии, исторической морфологии и исторического синтаксиса; разрабатывались и общие вопросы истории складывания и развития русского языка в его диалектном многообразии. Эти последние вопросы были поставлены прежде всего в работах Р. И. Аванесова (1902— 1982). В статьях „К истории средне великорусских говоров" (1946), „Вопросы образования русского языка в его говорах" (1947), „К вопросам образования русского национального языка" (1953), „Проблемы образования языка русской (великорусской) народности" (1956) Р. И. Аванесов, опираясь на новые диалектные данные, собранные для Диалектологического атласа русского языка, выдвинул иную, по сравнению с предшествующей, теорию образования средне великорусских говоров, а также наметил общее диалектное членение русского языка на разных этапах его истории. Эти работы стали основополагающими для последующего изучения истории различных русских диалектов. Р. И. Аванесов занимался также и проблемами исторической фонетики и фонологии. В этом плане особенное значение имеет его статья „Из истории русского вокализма. Звуки / и у" (1947), в которой с последовательно фонологической точки зрения была рассмотрена история звуков [и] и [у] и на этой основе были поставлены важные проблемы истории развития русской фонетической системы. Вопросы исторической фонетики получили освещение и в таких работах, как „Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей" (1952) и „Лингвистическая география и история русского языка" (1952).

Одним из крупнейших историков русского языка был **П. С. Кузнецов** (1899—1968), создавший систематический курс исторической морфологии русского языка. (Историческая грамматика русского языка. Историческая морфология. 1953). Много внимания он уделял также изучению исторической фонетики и фонологии, русской диалектологии и вообще широкому кругу проблем сравнительно-исторического славянского языкознания. Такие работы ученого, как „Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков" (1952), „Очерки по морфологии праславянского языка" (1961), „К вопросу о генетической фонетике ростово-суздальских говоров" (1948), "О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке" (1952), „Чередования в общеславянском языке-основе" (1954) и многие другие, точно так же, как и учебные пособия "Русская диалектология" (последнее издание — 1960 г.) и „Историческая грамматика русского языка" (совместно с В. И. Борцовским; 2 изд.— 1965 г.), содержат огромное количество фактов, извлеченных из памятников и диалектов, множество тонких и интересных наблюдений, остроумных гипотез, важных для науки выводов.

Проблемы исторического синтаксиса наиболее полно и глубоко разрабатывались в трудах В. И. Борковского (1900— 1982) и Т. П. Ломтева (1906—1972), В двух книгах — Синтаксис

древнерусских грамот (простое предложение)" (1949) и „Синтаксис древнерусских грамот (сложное предложение)" (1958), а также в многочисленных статьях по вопросам истории синтаксических явлений русского языка В. И. Борковский на основе богатейшего фактического материала, извлеченного из памятников письменности, рассмотрел все основные явления в синтаксической системе древнерусского языка. Вопросам истории развития русского синтаксиса отведено большое место в книге В. И. Борковского и П. С. Кузнецова „Историческая грамматика русского языка" (раздел синтаксиса написан В. И. Борковским). Под руководством В. И. Борковского в конце 70-х годов было создано двухтомное академическое исследование по историческому синтаксису русского языка (Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение.— М., 1978; Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение.— М., 1979).

Т. П. Ломтеву принадлежит обширное исследование „Очерки по историческому синтаксису русского языка" (1956), в котором не только подробно и с привлечением многих ранее неизвестных фактов памятников письменности рассмотрены процессы исторического развития синтаксической системы, но и выдвинуты новые гипотезы относительно складывания и развития основных категорий русского синтаксиса. Т. П. Ломтев известен также и своей „Сравнительно-исторической грамматикой восточнославянских языков" (1961), являющейся оригинальным трудом по методу исследования фактов.

Большое значение как в исследовании общих проблем истории русского языка, так и в обобщении результатов предшественников для развития науки имеет книга Ф. П. Филина (1908—1982) „Образование языка восточных славян" (1962). В ней, опираясь на новейшие данные, автор поставил вопросы о происхождении славян и их прародине, рассмотрев при этом вопросы, теории и гипотезы, связанные с решением данных вопросов: о балто-славянской языковой общности и о связях славян с финно-уграми, с германцами и иранцами; о процессах, связанных с распадом праславянского языка и образованием языка восточных славян. Все эти проблемы рассмотрены с привлечением многих фактов исторической фонетики русского языка, причем в ряде случаев Ф. П. Филин выдвинул новые положения, переоценивая прежнюю интерпретацию фактов, новые гипотезы и теории. В 1972 г. вышла еще одна книга Ф. П. Филина — „Происхождение русского, украинского и белорусского языков", обширное исследование, в котором были поставлены и во многом по-новому решены важные проблемы истории восточных славян и их языков, а также рассмотрены спорные вопросы развития структуры этих языков. В последние годы жизни Ф. П. Филин много внимания уделял вопросам истории русского литературного языка (см. его книгу „Истоки и судьбы русского литературного языка".— М., 1981).

Вопросам исторической грамматики русского языка в связи с проблемами лингвистического источниковедения посвящены две книги С. И. Коткова (1906—1986) — „Московская речь в начальный период становления русского национального языка" (1974) и „Лингвистическое источниковедение и история русского языка" (1980). Организатор широкой работы в нашей стране по лингвистическому изданию памятников русской письменности (прежде всего— московской и южно-великорусской), С. И. Котков на основе анализа языковых явлений, отраженных в этих памятниках, ставил и рассматривал целый ряд важных вопросов исторической фонетики и морфологии русского языка. Привлечение южно-великорусской деловой письменности как источников истории русского языка позволило С. И. Коткову аргументированно доказать большую роль ю.-в.-р. диалектов в формировании московского койне и в становлении норм устной литературной речи. В то же

время исследование деловых документов и частной переписки жителей Москвы XVII в. дало возможность пересмотреть вопросы складывания московского койне как с точки зрения хронологии, так и с точки зрения участия в этом складывании разных диалектов русского языка.

Проблемы исторической грамматики русского языка привлекали и привлекают внимание многих зарубежных лингвистов. Среди них прежде всего должен быть упомянут профессор Венского университета И. В. Ягич (1838—1923), который долгое время работал в России. Его „Критические заметки по истории русского языка" (1889) были посвящены разбору „Лекций А. И. Соболевского" и содержали вместе с тем ряд самостоятельных интересных соображений по вопросам исторической грамматики. Большое значение имеет и другой труд И. В. Ягича — „Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке" (1885—1895), в котором были исследованы некоторые старинные рукописные памятники по вопросам языка.

Некоторые старинные рукописные памятники по вопросам языка. Н. С. Трубецкой, глава Пражского лингвистического кружка, образовавшегося после первой мировой войны, выдвинул, правда, недостаточно обоснованную (критику этой работы дал А. М. Селищев; см.: Селищев А. М. Избранные труды.— М., 1968.— С. 31—40), а также создал ряд работ в области исторической фонетики и морфологии русского и других славянских языков.

Член этого кружка Р. О. Якобсон в 1929 г. издал в Праге работу „Remarques sur revolution phonologie du russe comparee a celle des autres langues slaves", в которой была сделана первая попытка изложить историю звуковой системы русского языка в фонологическом плане. В 1931 г. Р. О. Якобсон написал статью „Prinzipien der historischen Phonologie", сформулировав в ней основные требования и задачи исторической фонологии применительно прежде всего к славянским языкам.

Б. О. Унбегаун (1898—1973), работавший до середины 60-х годов нашего века в Оксфордском университете в Англии, в 1935 г. опубликовал обширную монографию, посвященную русскому языку XVI в.,— „La langue russe au XVI e siecle", в которой была рассмотрена система русского именного склонения изучаемого периода времени.

В 1960 г. в Лондоне вышла книга В. К. Метьюса „Историческая грамматика русского языка" („Russian historical grammar"), не только содержащая основные вопросы истории развития грамматической системы русского языка, но и рассматривающая проблемы истории русского литературного языка

Гейдельберг
Кипарский "Russische historische Grammatik"

История русского алфавита

Шесть шест тьма семь срок час сейчас дюжина чёртова дюжина година день ходики ход 7208 728 2 лета

В обеих древнейших славянских азбуках, как и в греческом алфавите, буква в сочетании с титлом имеет числовое значение 1. Как первая буква алфавита, аз имеет символическое значение начала (Альфа и

Омега), наименьшего предела («не знать ни аза», старообрядческое «умереть за единый аз» — впрочем, здесь имеется в виду и конкретный союз а, выброшенный при Никоне из Символа веры). Под влиянием греческих образцов использовалась в русском письме для замены греческих корней со значением '1' топо- и 'первый' proto-; например .а.хъ = монахъ (в подписях иконописцев); .а.игумень = протоигумень (в послании митрополита Киприана Феодору Симоновскому). В современном русском алфавите буква А продолжает и сегодня иметь самостоятельное значение порядкового числительного первый (по счёту): пункт А, девятый класс «а», сектор А.

В в кириллице, от византийского произношения β как [v]. Кроме того, поскольку в византийском варианте греческого алфавита не было буквы для обозначения звука [b], то создателям кириллицы пришлось ввести для этого звука отдельную букву Б, начертание которой восходит либо к одному из алфавитов Ближнего Востока (возможно, самаритянскому), либо к строчной латинской b одного из раннесредневековых латинских минускулов.

В, в (название: вэ) — третья буква всех славянских и большинства прочих кириллических алфавитов. В старо- и церковнославянской азбуке носит название «вѣде» (вѣдѣ, ст.-сл.) или «вѣди» (вѣди, ц.-сл.), что первоначально было одной из форм глагола «вѣдѣти» — то ли первым лицом единственного числа наст. времени («[я] знаю»), то ли вторым и третьим лицом единственного числа аориста («[ты, он] знал», «[ты, она] знала»).

Г это четвёртая буква всех славянских и большинства прочих кириллических алфавитов. В старославянской азбуке буква Г носит название «глаголи», в церковнославянской — «глаголь», то есть «говори».

Д это пятая буква почти всех славянских кириллических алфавитов, используется и в кириллических письменностях других языков. В старославянской азбуке и церковнославянской азбуке носит название «добро». В украинском алфавите буква Д шестая.

«ЭПСИЛОН» это краткое «Е» Древней Греции, долгое «Е» («ЕТА») обозначалось через «Н».

Египетско-семитское происхождение. В древних Рунах (с 3 в.) — 13-я буква, с 7-го века — или 13-я буква, или 19-я.

Освещая историю буквы «Ё», некоторые исследователи утверждают, что изначальному отсутствию этой буквы в русском алфавите мы обязаны святым просветителям Кириллу и Мефодию. Дескать, именно они не ввели букву «Ё» в славянскую письменность, так как её не было в греческом алфавите. Другие утверждают, что русские в принципе не произносили звук «Ё», но в результате различных фонетических изменений в некоторых словах ударное «Е» стало звучать как «Ё». Тем не менее долгое время в письменном варианте этих слов по-прежнему ставилась буква «Е». Трудности стали возникать при составлении словарей для иностранцев. Как, например, растолковать заезжему люду, что в Новый год русские люди украшают помещение Ёлкой, а не Елкой? Кстати, со слова «ёлка» когда-то и началось внедрение новой буквы в русский язык. В ноябре 1783 года на заседании недавно созданной Академии словесности, на котором обсуждался проект полного толкового словаря, впервые прозвучала идея ввести письменный эквивалент звуку «Ё». Автором идеи была директор Петербургской академии наук княгиня Екатерина Дашкова, которая внесла предложение использовать буквенное сочетание «ио» в некоторых словах. В качестве примера было приведено слово «иолка». Предложение приняли, но впервые орфографическое новшество увидело свет лишь через одиннадцать лет в произведении баснописца Ивана Дмитриева «Мои безделки». А ещё через два года, в 1797 году, в печати появилась буква, придуманная русским историком и писателем Николаем Карамзиным, уроженцем города Симбирска — нынешнего Ульяновска. Через двести с небольшим лет жители волжского города решили увековечить букву, изобретённую их знаменитым земляком. Правда, учитывая повсеместное забвение буквы «Ё», этот каменный монумент больше ассоциируется с надгробной плитой, нежели с памятником от благодарных потомков. А забывать эту букву стали уже через столетие после её рождения. Революционные же преобразования русской орфографии в 1918 году, когда написание буквы «Ё» предлагалось «признать желательным, но необязательным», положили начало её окончательному забвению. И это забвение иногда, к сожалению, стоило человеческих жизней. Военные историки рассказывают, что в первые месяцы войны из-за путаницы в названиях населённых пунктов, содержащих и не содержащих букву «Ё»

(БерЁзино и БерЕзино, ЧигарЁво и ЧигарЕво), в ставке Верховного главнокомандующего случались недоразумения, что иногда приводило к срыву намеченных военных операций. И тогда рассердившийся Сталин приказал вернуть букву «Ё» на военные карты. Чутко реагирующие на настроение руководителя страны, его указание приняли к сведению не только военные, но и чиновники. В результате 24 декабря 1942 года народный комиссар образования издал приказ об обязательном употреблении буквы «Ё» в школьной практике. В 1945 году был даже издан специальный справочник употребления этой буквы. Но, тем не менее, после окончания войны несчастливое дитя учёной дамы и историка стало постепенно исчезать из письменности, принося беды лишь носителям фамилий, в которых эта буква присутствует. Неизвестный нам автор построенной на основе греческого алфавита кириллической азбуки, следуя за сочинившим глаголицу просветителем славян Константином-Кириллом, на седьмое место поставил букву «Живете». В греческом такой буквы нет (поскольку нет такой фонемы). Видимо, показавшаяся не слишком удачной глаголичная графика этой буквы (в виде полураскрытых ножниц), тем не менее подсказала альтернативное решение. В Византии была популярна составленная из греческих начальных букв имени Иисуса Христа монограмма ΙΧ. Архетипически христограмма – это солнечное колесо с шестью спицами. Потому-то она нередко вписывалась в круг или в изображение лаврового венка. Поскольку для христианина Иисус – это жизнь, в качестве обозначения буквы «Живете» и была использована монограмма ΙΧ. Перед нами не случайность, а часть более ранней системы. Т. Л. Миронова, автор современной монографии об эволюции графики глаголицы и кириллицы отмечает, что в наиболее древних рукописях кириллическое ж пишется с удлинённой мачтой (однако никак это наблюдение не комментирует). Однако та же Т. Л. Миронова, анализируя предшествовавшую кириллице глаголицу, подтверждает известный тезис о миссионерском ее характере. И подчеркивает, что об азбуке как о воплощении Божьего замысла говорит и в своем «Сказании о письменах» писавший на глаголице Черноризец Храбр, современник Кирилла и Мефодия.

Эта буква всех славянских кириллических алфавитов используется также в письменностях некоторых неславянских народов, где на её основе были даже построены новые буквы, наподобие З. В старо- и церковнославянских азбуках называется «земля» и является восьмой по счету.

Буква З девятая в русском, белорусском, сербском и македонском, восьмая в болгарском и десятая в украинском. В произношении буква З очень рано совпала с буквой «зело» S, которая употреблялась гораздо реже. При введении гражданского шрифта буква З была первоначально, в 1708 году, исключена из русской азбуки в пользу буквы S, но во второй версии шрифта, в 1710 году, восстановлена, а исключено S. Впрочем, обе азбуки имели параллельное хождение до 1735 года, когда S было исключено окончательно.

И эта буква почти всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянских азбуках называется «йже» (переводится как «который» или «которые») и является 10-й по счету. Буква И девятая в болгарском, 10-я в русском и сербском, 11-я в украинском и македонском. Что интересно, буква И в белорусском алфавите отсутствует, вместо неё используется буква І.

Знак Й происходит из церковнославянской письменности XV—XVI веков, представляя собой сочетание буквы И и заимствованного из греческой письменности знака краткости — бревна, однако несколько видоизменённого. Строгое фонетическое разграничение начертаний И и Й возникло в украинской печати начала XVII века; в ходе «книжной справы» времен патриарха Никона оно перешло в московские издания церковнославянских книг (вторая половина того же века) и используется поныне.

Буква К — буква-герой. Форпост, который, похоже, латинице уже не взять никогда. Удивительно, что он продержался до сих пор, вопреки всякой логике. Тем паче это дает надежду, что можно успешно сражаться и на других участках.

Происхождение и кириллической, и глаголической буквы — греческая лямбда (Λ, λ) (прописная уставная и строчная курсивная соответственно), хотя, как обычно, для глаголической буквы есть и семитская версия происхождения. В старославянском языке могла произноситься твёрдо и мягко; в последнем случае могла снабжаться дужкой сверху или крючком сверху справа (что выглядело похоже на склеенные лг). Это же свойство двоякого произношения [л]/[л'] сохранилось в большинстве славянских языков, в том числе и в русском; в сербском же для мягкого варианта Вук Караджич ввёл специальное начертание Љ, которое

позже вошло и в македонский алфавит. Форма буквы Л с древности до наших дней особых перемен не испытывала, разве что стоит упомянуть переход от её старого Л-образного вида к современному (с П-образной верхушкой), введённый в шрифтах «Санкт-Петербургской Словолитни Ревильона и Ко» в 1840-х годах и в последующие десятилетия распространившийся повсеместно.

М эта буква всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянских азбуках называется «мысле» или «мысле», что первоначально означало «думаете» или «думайте». В кириллице, в русском и белорусском является 14-й по счету, 13-я в болгарском, 15-я в сербском, 16-я в македонском и 17-я в украинском.

Н - буква всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянских азбуках называется «нашь» или «нашь». В кириллице, русском и белорусском является 15-й по счету, 14-я в болгарском, 16-я в сербском, 17-я в македонском и 18-я в украинском.

О — буква всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянской азбуках носит название «онъ» (что обозначает не только «он», но и «тот»). В кириллице, русском и белорусском является 16-й по счету, 15-я в болгарском, 18-я в сербском, 19-я в македонском и украинском.

П — буква всех славянских кириллических алфавитов. Используется также в письменностях некоторых неславянских народов: монголов, казахов, таджиков и всех народностей России. В старо- и церковнославянской азбуках носит название «покои» или «покой», что означает «мир, покой, спокойствие, отдых», а также «кончина». В кириллице, русском и белорусском обычно считается 17-й по порядку, 16-я в болгарском, 19-я в сербском, 20-я в македонском и украинском.

Р — буква всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянской азбуках носит название «ръци» или «рцы», что означает «говори, скажи». В кириллице, русском и белорусском считается 18-й по порядку, 17-я в болгарском, в глаголице по 19-я счету, 20-я в сербском, 21-я в македонском и украинском.

С — буква всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянской азбуках носит название «слово», что могло означать разное: «слово, речь, дар речи, молва, весть, известие, проповедь, изречение, Писание, заповедь». В кириллице, русском и белорусском считается 19-й по порядку, 18-я в болгарском, в глаголице по счету 20-я, 21-я в сербском, 22-я в македонском и украинском.

Т — буква всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянской азбуках носит название «тврѣдо» или «твёрдо», что означает «твердое, крепкое, неприступное, укрепленное, надежное, мужественное, непоколебимое, неотступное». В кириллице, русском и белорусском считается 20-й по порядку, 19-я в болгарском, в глаголице по счету 21-я, 22-я в сербском, 23-я в македонском и украинском.

У — буква всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянской азбуках носит название «оукъ», что означает «наука, учение, научение». В кириллице, русском и белорусском считается 21-й по порядку, 20-я в болгарском, в глаголице по счёту 22-я, 24-я в сербском и украинском, 25-я в македонском.

При введении гражданского шрифта в первой его версии (1707—1708) буква Ф была упразднена, а использовалась только фита; но во второй версии (1710) ферт был восстановлен, вместе с этимологическим различием употребления этих букв. Орфографические реформы 1917—1918 гг. упразднили фиту, оставив Ф единственным способом выражения фонемы [ф].

Х — буква всех славянских кириллических алфавитов, 22-я в болгарском, 23-я в русском, 24-я в белорусском, 26-я в сербском и украинском, 27-я в македонском.

Ц — буква всех славянских кириллических алфавитов, используется также в письменностях некоторых неславянских народов. В старо- и церковнославянской азбуках носит название «ци» или «цы», смысл которого не вполне ясен. Ц 23-я в болгарском, 24-я в русском, 25-я в белорусском, 27-я в сербском и украинском, 28-я в македонском.

Точного прототипа кириллическая буква ч в греческом алфавите не имеет, за отсутствием в греческом языке соответствующего звука. Поэтому букву ч обыкновенно относят к числу новых букв славянской

азбуки, придуманных её изобретателями. Не лишено, впрочем, вероятия предположение, что образчиком для кириллического ч (с некоторыми изменениями) могло служить греч. Υ (ипсилон). Глаголическое ч похоже на кириллическое. В других индоевропейских языках звук ч также встречается. В общеславянском его источником было к перед нёбными гласными: i, e, ě, ĭ и т. д. Такого же происхождения и санскр. c (ср. лит. keturi, санскр. catur = слав. четыре). В русском языке ч происходит еще из общеслав. tj (свечу || святить, свеча), или из гт, кт, хт перед нёбными гласными e, i (мочь, печь, ночь и т. д.).

Ш — буква кириллицы, 26 буква русской азбуки, обозначающая собой обыкновенно согласный спирант глухой, переднеязычный, альвеолярный, корональной артикуляции. В большинстве великорусских говоров ш произносится твёрдо, без свойственного мягким (палатальным) согласным сужения между средней частью спинки языка и твердым нёбом. Это твердое произношение наблюдается и перед узкими нёбными гласными e, i (смягчающими у нас почти все согласные), причем в некоторых говорах, под влиянием твердости ш, гласный и превращается в ы (ср. произношение шить, шило вместо шить, шило). В древнерусском ш, напротив, было мягким, как это показывают древние написания вроде шюмящъ, отсутствие ы после ш (всегда шити и т. д.), а также сохранение древнего ударенного e перед ш (чешешъ, тешешъ, рядом с причёска, тёс). Написания с ы после ш, свидетельствующие об отвердении ш, начинают появляться в древнерусских памятниках с начала XIV в.: в грамоте рижан в Витебске (около 1300 г.) — слышышь и т. д. Таким образом отверждение ш произошло в течение XIII в., вероятно, во второй его половине. Мягкое ш' осталось только в некоторых немногих говорах, сохранивших вообще мягкие шипящие.

Обозначает обыкновенно долгий мягкий звук [ш'], что является литературной нормой, однако встречается и произношение как сочетание [ш'ч']. В 19 веке произношение [ш'ч'] считалось литературным. Такое произношение щ = тч отмечали Тредьяковский (в „Разговоре об орфографии“, 1748) и Ломоносов (в „Российской грамматике“, 1755). Им следует и Шлецер в своей неоконченной „Russische Sprachlehre“ (1764). Произношение это встречалось в речи образованного общества, реже - в народных говорах. В последних на месте литературного щ = [ш'ч'] наблюдалось чаще долгий [ш'], твердый или мягкий (непалатальный или палатальный). Твёрдый долгий спирант [ш] встречается преимущественно в северо-восточных „окающих“ говорах (Казанская, Вятская, Нижегородская губ.), например в та[ш'ы] (= тащи), как обыкновенно изображают это слово средствами общеупотребительной русской графики. Мягкое долгое [ш'] (напр. ро[ш']а = роща) наблюдается в московских (не везде), калужских, некоторых рязанских и др. „акающих“, или южно-великорусских, говорах. В общепринятом правописании в некоторых словах [ш'] (или [ш'ч']) изображается посредством букв сч: счёт, счастье, исчез = [ш']от, [ш']астье, и[ш']ез и т. д. По своему происхождению сочетание согласных [ш'ч'], обозначаемое посредством щ, различно. В одних случаях оно возникло путем палатализации сочетания ск перед нёбными гласными (ищет, трещит) или перед j (ищу, трещу), суффикс -ище в городище, топорище и др.), в других - из stj (рощу, свищу, роща), в третьих перенесено из церковно-славянского в многочисленных заимствованиях, вроде пища (из т'j)народн. пича, трепещу, клевещу (тоже из tj), ночь, печь, мощь, мощи (из кт и гт, ср. народные ночь, печь, мочь) и т. д., наконец, в четвёртых — из сочетания сч, зч путем уподобления с, з следующему ч и перехода их в ш (ср. вышеприведенные примеры счёт, счастье, исчез).

Буква «ъ» изначально означала очень краткий („глухой“) неопределённый гласный, произношение которого точно не установлено. Несомненно только, что гласный этот не имел нёбного (палатального) характера. Одни предполагают «ъ» = й (краткому и), другие — краткому о. Во всяком случае, «ъ» должен был иметь в значительной степени губную артикуляцию. В русском языке некогда также было «ъ», но уже рано (в 11 веке) начало исчезать в открытых слогах и в конце слов, а в середине, в закрытом слоге, перешло в о. В современном русском языке звук [ъ] не встречается вовсе, хотя традиционное правописание, под влиянием церковно-славянской графики, еще сохраняло букву ъ вплоть до реформы правописания 1917 года, называемую (с введения звукового метода при обучении грамоте) «твёрдым знаком» и означавшую только отсутствие мягкого (нёбного, палатального) произношения согласного (коль, но доколь). Это значение не везде, впрочем, выдержано: так, слова мечъ, ключъ и т. д. произносятся с мягким ч, но писались с ъ, как слова мужского рода, в которых, в огромном большинстве случаев, последний согласный твёрдый (сынъ, волкъ, рабъ и т. д.), а также слова женского рода в родительном падеже (из-за тучъ). Уже с 19 века начались попытки изгнать почти ненужную, но

занимающую очень много места букву из русской азбуки, как она изгнана Вуком Караджичем из сербской; но эти попытки не привели к сколько-нибудь ощутительным результатам вплоть до реформы правописания 1917 года, когда литера «ъ» была в прямом смысле изъята из типографий, в результате чего ещё и появилась манера использовать апостроф (') в качестве замены твёрдого знака, роль короткого ограничилась в различении йотированных гласных «я», «ё», «ю», «е», идущих после согласных, от слогов с мягкими согласными и этими же гласными.

Ы — буква кириллицы, 29-я буква русской азбуки, восходящая к старославянскому (древнеболгарскому) кириллическому составному знаку ЪІ = Ъ+І (ер + и, откуда и древнее название её еры). В древнеболгарском или старославянском письме «ЪІ» означало, вероятно, такой же гласный, какой изображается русским «ы», т. е. один из «смешанных» гласных, произносимый при положении губ для гласного [и], в то время как язык принимает положение, близкое к артикуляции его для гласного [у], но только не отодвигается так далеко назад. Если от гласного [и] перейти к [ы], то положение губ не меняется; напротив, если произносить [у] и затем, не меняя положения языка, придать губам то положение, которое они имеют при [и], то получится гласный, очень близкий к обыкновенному русскому [ы]. Таким образом, русский гласный [ы] физиологически может быть определён как гласный смешанный, произносимый при дорсальной артикуляции языка, удалённого несколько назад от передних зубов и приподнятого к небу, особенно, в задней своей части (как при гласном [у]), и, кроме того, при щелеобразном растяжении губ, свойственном гласному [и]. В терминах английской классификации гласных [ы] будет гласный «верхний, смешанный» (high-mixed), т. е. произносимый при высоком положении языка в вертикальном направлении и при среднем — в горизонтальном. Как видно, теперешнее [ы] сохранило ещё известную физиологическую близость к тому индоевропейскому гласному, из которого оно большей частью происходит, т. е. к долгому «û» (ср. санскр. Sûnus = сын); по крайней мере, артикуляция языка при [ы] ещё очень близка к артикуляции его при у. Гласный [ы] имелся уже в общеславянском или праславянском языке, где ведёт своё начало из разных источников: долгого «û» (см. выше), сочетаний -ops, -ans (в таких формах винит. множ., как столы, жёны, ср. гот. vulfans = старославянское влькы, древнепрусское gennans), -uns (старосл. винит. множ. сыны, гот. sununs), -ôn (старосл. прич. беры, несы — греч. φέρων; им. ед. камы — греч. ακμων), по труднодоказуемому мнению некоторых ученых — из -ôis в твор. множ., как старослав. рабы и т. д. В болгарском древнее [ы] довольно рано в большинстве говоров перешло в [и]; то же произошло в сербском, словенском и чешском языках. Польское [у] также ближе к [и], чем наше [ы], и напоминает собой украинский гласный, имеющийся на месте великорусского [ы]. В русском правописании гласный [ы] не всегда пишется на месте древнего ы. Так, написания добрый и т. п. этимологически должны бы иметь вид доброй (ср. слепой, святой); вместо полымя следовало бы ожидать *поломя. С другой стороны, после твердых согласных [ц], [ж], [ш] вместо [и] в произношении многих слышится [ы], но пишется этимологическое «и»: цифра, жить, шить, вместо произносимых [цыфра], [жыт'], [шыт'] и т. д. До утверждения свода правил 1954 года имеющийся в языке гласный ы не всегда изображался этим знаком. Слова с йотированной гласной после приставки, вроде безыntересный, разыгрывать писались как «безыntересный», «разыигрывать», то есть для обозначения гласного [ы] писалось ѣи. В древнеболгарском письме соответствующая буква имела двоякое написание ЪІ и ЪИ; написание ЪІ, с которого взято наше гражданское «ы», появилось лишь в более поздних памятниках. Цифрового значения старославянское (древнеболгарское) ЪІ, как знак новый, в греческой азбуке отсутствовавший, не имеет ни в глаголице, ни в кириллице.

Ь - мягкий знак, устар. ерь — буква кириллицы, 30-я буква русской азбуки

Обозначает в сильной позиции обыкновенно гласный неогублённый среднего подъёма [э] и среднего ряда или переднего ряда [е] перед которым нет [ј] или мягкого согласного, в отличие от буквы е, указывающей обычно на присутствие перед гласным [е] мягкого согласного или [ј]. Буква э употребляется преимущественно в русских написаниях разных иностранных слов и имен, вроде эпос, эпитет, Дэви, Бодуэн де Куртенэ и т. д. В природных русских словах случаев её употребления немного. В начале слова э имеется в литературном этот = [этът], [эта] = [эта], эти = [ет'и], и немногих частицах, вроде эх, эвон, эвот и т. д. (народный язык знает и формы етот, ефтот и т. д., т. е. [этът], [эфът]).

В начале слов, затем в середине и в конце слова, после гласных, а также в немногих сложных с предлогами словах и после конечного согласного предлога (например, юноша, поющий, пою, обьюродиветь и т. д.) она означает слог, состоящий из согласного [j] и гласной [y] ([junъшъ], [poju] и т. д.); вообще же после согласных указывает на мягкость этих согласных, попутно с обозначением самого гласного [y] (нюхать — [н'ухът], полюс — [пол'ус], варю — [вар'у] и т. д.). Кроме того, в немногих иностранных словах для лиц, знакомых с произношением этих языков, буква ю может означать французское u или немецкое ü (меню = франц. menu, Мюллер = нем. Müller и т. п.).

Я — буква кириллицы, тридцать третья буква русской азбуки, имеющая двоякое звуковое значение.

Матриархат или Материнское право

Права и обязанности участников данной социальной модели

Мать — владелица всего семейного хозяйства/богатства на правах наследования по женской линии от матери мужа.

Отец — хозяин и защитник/воин на правах управления.

Взаимоотношения матери и отца в семье — партнёрские и взаимовыгодные.

Их общие обязанности — рождение детей, содержание и воспитание.

Сын — работник, воин, защитник матери, сестры, будущий отец детей и хозяин в собственной семье.

Дочь воспитывается для замужества и создания семьи в роду мужа, где после рождения детей вступит во владение всем семейным имуществом.

Сват и сваха - независимые арбитры в межродовых делах и спорах.

Основные следствия

Род продолжают дети от жены сына.

Право хозяина переходит от отца к сыну.

Право владения собственностью родителей мужа может получить только его жена.

Дочь не имеет права наследования собственности в семье родителей, это право она получит только в семье мужа.

Сын не может наследовать собственность своих родителей, но может управлять ей в качестве хозяина.

Имущество в роду наследуется только по женской линии — от матери к жене сына.

С момента рождения детей жена приобретает статус матери и вступает во владение семейным имуществом.

Статус матери даёт возможность/право наследования всего родового имущества мужа.

«Невинность» девушки до свадьбы — необходимое условие для выгодного замужества, как доказательство "качества крови".

Внутрисемейное и внутриродовое кровосмешение запрещено.

Замужество дочери — предмет межродового имущественного торга — выкуп невесты либо приданое. Сваха - как третья сторона обеспечивает законность и "чистоту сделки".

Подчинение собственным родителям у дочери заканчивается после замужества. Во время совместной жизни с родителями мужа она подчиняется его матери.

Дочь продолжает пользоваться покровительством собственного отца, независимо от замужества и места жительства.

С начала раздельного проживания, власть отца над сыном сменяется паритетными отношениями, зависимость от матери сохраняется.

Родительское благословение молодожёнам — необходимое и обязательное условие для законной передачи прав собственности.

Мать

Владелица всего семейного или родового имущества. Почему именно мать, а не отец? Ответ лежит на поверхности: мужчина в матриархальной модели – защитник и воин, и поэтому, к сожалению, он не всегда возвращается с войны. После смерти мужчины-кормильца, вопрос права собственности может стать предметом имущественного спора. В патриархальной модели – победитель становится владельцем всего имущества рода своего противника, по так называемому - праву Силы, что может ввергнуть общество в постоянное состояние шаткого мира между войнами. Если же муж - лишь управляющий над родовым хозяйством, то, уходя на войну/битву, он может быть уверен, что его дети – продолжатели рода, не станут нищими сиротами и после его смерти, ведь за всем этим богатством будет следить новый управляющий, которого «безутешная вдова» выберет из числа наиболее достойных.

Особо отметим, что в матриархальной модели, победитель – лишь соискатель звания - хозяин, то есть - управляющий, а вот владельцем собственности он не может быть ни при каких обстоятельствах, даже в случае гибели/смерти жены. Материнское право на владение при *матриархате* ни в каком случае не ставится под сомнение, а значит, и детям - продолжателям рода ничто не грозит. Новый «отец» - отчим, берёт на себя всю ответственность хозяйствования, а также - защиты собственности жены и детей, независимо от их отцовства. А если награда в битве – нелёгкое бремя управляющего, то даже очень сильный воин при такой перспективе много раз подумает: «Прийти с мечом в чужие владения, или же - с букетом луговых цветов?»

По отношению к матери:

Отец – муж, хозяин, а также - партнёр во всех отношениях. Их взаимоотношения в матриархальной модели могут быть только равноправными с чётким разделением обязанностей, где каждый заинтересован в преумножении и сохранении семейного богатства. Конфликтные ситуации между женой и мужем решаются путём договорённости и сложной системой компромиссов. Конкуренция исключена, так как управление хозяйством – непростая задача, а для этого требуется не только сила, но и особый склад ума. Независимо от статуса владелицы собственности, жена просто обязана хорошо кормить своего мужа и поддерживать в нём бодрое состояние духа, чтобы он вёл дела мудро и успешно. Бестолковый муж может быть изгнан из семьи – такое право есть у его жены. Правда, мало кто им решиться воспользоваться. Но это уже лирика...

Отметим также, что похожий семейный уклад до сих пор можно видеть в современной украинской деревне. Муж – безусловный хозяин и глава семьи, но при необходимости – «во хмелю или во гневе» – жена всегда найдёт то «волшебное слово», которое его успокоит. Конечно, муж главный, но иногда – жена главнее. Последнее слово всегда за матерью, а не за отцом. И в этом - смысл немалый, уж поверьте! Чем не демократия?

Сын для матери – любимое чадо. Мать знает, что он даже после женитьбы будет жить где-то неподалёку, чтобы утешить и *защитить*. Кстати, отметим - даже от отца, если тот вдруг потеряет голову и поднимет руку на святое для мальчика – Мать.

Дочь для матери – любимое чадо, но с оговорками. Дочери от матери достанется меньше ласки, чем сыну, так как мать подспудно понимает – через какое-то время они станут либо союзниками, либо соперницами. Но об этом чуть позже...

Отец

Муж для жены, умелый и расчётливый хозяин, а также – воин-защитник. Но не владелец! Отправляясь на войну или в лес на медведя лишь с ножом и рогатиной, он будет знать точно – дети без кормильца не останутся, а хозяйство – без твёрдой мужской руки «не сгинет - не

сгниёт». Трусам и бездельникам в *матриархальной* модели не место! Хозяин – гордое звание, и оно может принадлежать только настоящему мужчине!

По отношению к отцу:

Сын – помощник по хозяйству, ученик в ремёслах и военном деле. Временами, конечно же – чадо бестолковое, которому при случае – отец подзатыльник задаст. Нет, не от злости, ни в коем разе! Это Любовь такая специфическая – Отцовская, чтобы лучше перенимал опыт старших и не ленился! Именно поэтому сын мечтает поскорее выйти из под «родительского гнёта», чтобы не нужно было слушаться и терпеть нравоучения. Слово отца для сына – Закон! Кому это понравится? Зато, после женитьбы сын – *равный* партнёр отца во всех внутриродовых делах и в ратном деле. А вот для матери он так и останется – любимым сыночком, независимо от возраста и боевых шрамов на теле.

Дочь для отца – его богатство, радость и боль. Отец до конца своих дней будет её защитником, какой бы семейный статус она не имела. Если понадобится – весь свой род поднимет на защиту любимой малышки – независимо от возраста и количества у неё детей.

Сын

Родитель будущих продолжателей рода. Помощник, а затем партнёр отца по всем вопросам ведения семейного или родового хозяйства. Будущий Хозяин.

По отношению к брату:

Сестра и брат в детском возрасте редко бывают в состоянии мира. Но в более зрелом возрасте, брат – защитник сестры от назойливых ухажёров с момента её полового созревания вплоть до самой свадьбы. После замужества, отношения между братом и сестрой обычно довольно дружеские, как и положено близким родственникам.

Дочь

Девочка в семье – политическое богатство, и её воспитание с момента рождения направлено на то, чтобы она как можно более удачно вышла замуж и покинула семью. Как только у неё появится ребёнок от мужа, она вступит во владение всем семейным хозяйством, а при определённых условиях – и родовыми богатствами. Такой порядок решает сразу несколько важных социальных задач:

Во-первых – обмен генетическим материалом – в чужую семью вливается «свежая кровь», что для рождения здоровых детей очень важно.

Во-вторых – семьи объединяются в родовое сообщество – настоящий «политический союз» двух и более семей.

В-третьих – перед тем, как принять решение о будущем родстве, происходит своеобразный конкурс на соискание звания – будущей Владелицы Родового Имущества. Довольно ответственное дело, ведь затем все богатства семьи должны перейти от свекрови к невестке. Уж поверьте, с этой точки зрения, мать будущего мужа подойдёт к вопросу выбора весьма тщательно!

Интересно, что при матриархате, не вышедшая замуж дочь становится «приживалкой» без права наследования имущества, которое при *матриархате* может получить только жена брата. Вот такой своеобразный закон «внутриродовой конкуренции»! Наверное, именно поэтому – желание поскорее «выскочить замуж» так крепко записано в девичьих генах, ведь оказаться в роли семейной обузы никому не хочется.

С момента замужества дочь, освободившись от власти собственной матери, сразу попадает под гнёт свекрови – матери мужа. На первый взгляд, участь незавидная и унижительная, но, не будем забывать, что:

- жизнь со свекровью будет продолжаться только до того момента, пока новая семья не переселится в собственный дом – чем дальше от свекрови, тем лучше.
- с рождением детей - наследников, она получит «материнское право» на владение всем семейным имуществом, а затем – и родовым. С этого момента, неплохо бы владения иметь как можно ближе.

История с двумя мужьями Марины Мнишек, считавшими себя законными монархами.

Нетрудно догадаться, что для обоснованности претензий Лжедмитрия II на престол, согласно матриархальной модели - требуется доказать законность "права" лишь первого мужа Марины. А уж после этого - любой её последующий супруг мог иметь претензий на царскую корону ничуть не меньше, нежели предыдущий. Если поверить в то, что младший сын Ивана Грозного - царевич Дмитрий каким-то образом остался жив после покушения, то он мог стать законным царём, а его жена - царицей. Женидьба на Марине Мнишек царевича Дмитрия I - сына Ивана IV и была тем "счастливым билетом" для всех последующих мужей Марины. Их законное право владения и хозяйствования никто бы не поставил под сомнение. Довольно простое объяснение, согласитесь?!

Не менее интересная история с императором Наполеоном. Известно, что - будучи весьма богатым человеком своего времени, по сути – он купил себе французскую корону. Для законного владения ей и нажитым капиталом ему не хватало самой малости – родства по женской линии с «настоящими» монархическими семьями. Минимум дважды он пытался породниться с русской ветвью европейской монархии. Первый раз в 1808 году – просил у Александра I руки его сестры – великой княжны Екатерины. Получив отказ, он не остановился, и попробовал снова в 1810 году. На этот раз Наполеон просил руки великой княжны Анны, которой едва исполнилось 14 лет. И опять получил отказ. Не трудно догадаться, что любовью здесь и не пахло. Тогда что? Согласно патриархальной модели, Наполеон мог жениться даже на своей служанке, после чего - законно передать деньги и корону своему наследнику. Делаем предварительный вывод – сомнительный характер своего капитала и титула он желал узаконить самым неоспоримым способом, существовавшим в тот исторический период, то есть – по матриархальной модели передачи прав собственности. Подозреваю, что женидьба на Марии-Луизе Австрийской в 1810 году таки закрепила его право хозяина на прежний капитал и открыла «дорогу на Восток», правда, как бы – «с чёрного хода». Претензия Наполеона на Москву 1812 года – повод для отдельного исследования, поэтому, не будем отвлекаться. Тема гонений на евреев всегда довольно популярна как в среде историков, так и у политиков. Зададимся вопросом – чем они так неприятны, кроме того, что – богаты? Опять же, кто их главный недоброжелатель? Как ни парадоксально, но персонального врага у евреев нет – всем выгодны и их богатство, и деловая хватка, и природная смекалка. Не сомневаюсь, что в тяжёлые экономические времена – евреи первые, кто готов расстаться с частью капитала, дабы сохранить остальное – самое ценное. Ответ на вопрос «всемирной нелюбви к отдельной нации» может лежать в неожиданной плоскости – вспомним, что передача прав собственности у евреев осуществляется строго по женской линии. Отсюда и прочная система «горизонтального родства», соединившая все континенты множеством «семейных бизнесов», что позволило аккумулировать достаточно крупные капиталы в прошлом. С тех давних пор изменилось немного – и поныне в еврейских семьях царит Матриархат.

Похожая ситуация с Польшей. Бесчисленное количество раз её пытались стереть с политической карты Мира только за то, что Дева Мария в этой стране почитается выше самого Иисуса Христа. Почему? По праву Матери. Родившая сына божьего, не может быть ниже его по социальному статусу. Но, только в том государстве, где почитаются матриархальные традиции! Известно, что Польша всегда принимала беженцев – евреев. С учётом вышеописанного – не трудно догадаться – Почему?

Ватикан и Папство (Патриархат) до сих пор не могут смириться с существованием рудиментов *матриархата*, искореняя их любыми доступными средствами, но пока борьба эта не дала должного результата.

Вернёмся к этимологии.

Почему слово «усыновление» существует, а – «удочерение» - нет?

Согласно матриархальной модели передачи прав собственности - усыновление – необходимая и даже - обязательная процедура для семьи, по каким-то причинам не имеющей сына. Для законного получения родительского имущества он должен жениться и привести в дом наследницу-жену. В противном случае – семейное наследство будут делить жёны более удачливых родственников, что для родителей единственной дочери в семье – ситуация не из приятных. Если же в семье мальчик есть, но нет девочки, то с правами наследования ничего страшного не произойдёт, ведь по *матриархальной модели* – дочь в любом случае не имеет никаких прав на родительское имущество. Конечно, не имея дочери, удачно породниться тоже не получится, а это, в условиях межродовой конкуренции, несколько ослабляет семью, но и трагедии из этого тоже никто делать не станет.

Трудно сказать, будет ли приёмная дочь – лакомым кусочком для чужого рода (согласно *матриархату*), ведь качество её генов подтвердить непросто, но на первый план вполне могут выйти и другие «полезные» качества – красота, ум, сообразительность и прилежность. Думаю, в этой модели приёмной дочери ничего страшного не грозит.

Не менее интересная ситуация со словом «приживалка». Толковый словарь Ушакова гласит: *«Бедная женщина, не из крепостных, жившая в барском, помещичьем или купеческом доме на средства хозяев, не имевшая никаких определенных обязанностей и развлекавшая хозяйку, составлявшая ее общество (устар.)»*

Зададимся вопросом:

«Откуда появляются в семье приживалки? Да ещё с таким странным набором домашних прав и обязанностей?»

А что, если под термином *приживалка* «скрывается» - родная дочь, по каким-то причинам не вышедшая замуж? Тогда понятно, почему она:

- *бедная* – на наследство рассчитывать не может.

- *не крепостная* – своя ведь, не пришлая – вполне естественно.

- *и собеседница хозяйки* – им есть о чём поговорить, вне всякого сомнения!

Вот, оказывается, как просто можно объяснить такой странный термин – *приживалка*.

Теперь вспомним выражение – *невеста на выданье*. То есть – невеста изначально предназначена для того, чтобы покинуть семью. Логично.

А вот – *жених на выданье* – выражение скорее обидное, так говорят о «непутёвых сыновьях», от которых родители и мечтали бы избавиться, да никто их в мужа не берёт! Для жены такого «сынка» – хозяйство будет не наградой, а наказаньем!

Ещё раз напомним, что из *матриархальной модели* явно проистекает необходимость «невинности» дочери – как прямое доказательство «генетической чистоты» невесты для чужой семьи. Это имеет особую важность, ведь родители жениха должны быть уверены в отсутствии

общих родственников, чтобы детишки от «пришлой невестки» получились здоровыми и умными!

Генетические исследования однозначно подтверждают тот тезис, что внутри семьи и рода кровосмешения быть не должно. Уже сейчас есть масса статистических и лабораторных подтверждений губительности близкого/родственного генотипа для безопасного и здорового деторождения. Отметим также, что городские дети всё чаще рождаются с отклонениями, потому что родители не знают даже самых близких своих предков, и как следствие - *чистоты* своего генотипа. Современная жизнь постепенно стирает *родовые метки* – названия деревень, где традиционно проживал целый род однофамильцев. Каким образом можно уберечься от кровосмесительного родства сейчас?

Природа предусмотрела и это. Мало кто задумывался, почему для молодых парней и девушек, наиболее привлекательными кажутся представители других наций и народов? Ответ прост - потому, что явные отличия от привычных лиц, которые окружают с детства – лучшая гарантия от кровосмешения. С появлением возможности общения с представителями различных национальностей, лёгкости получения информации из Интернета, личных контактов и путешествий по всему миру, уже не нужно никому доказывать, что детишки от «интернациональных» браков зачастую здоровее и сообразительнее их «моноэтнических» сверстников. Сразу же возникает вопрос – почему? Законы физики гласят – в природе энергия рождается только в среде с разностью потенциалов, температур, давлений, высот. И чем больше эта разница, тем выше энергетический потенциал – природа любит разнообразие!

К сожалению, матриархальная модель не лишена и недостатков. Их требуется, как минимум, обозначить:

Предложенная здесь концепция ставит под сомнение патриархальную доктрину «первородства», что сегодня является основой существования главных мировых религий. Также, *матриархат* отвергает *расовую теорию*, а понятие *-чистота крови* - трактует абсолютно иначе, нежели мы привыкли. Соответственно - матриархальная модель не только оправдывает, но и приветствует межэтнические браки, что вряд ли соответствует популярной ныне националистической идее. Но что ещё хуже – матриархат ставит под сомнение идею разделения человечества на государства по национальному и этническому признаку, а отдельных людей - по религиозному.

База данных Персона. Семья. Пребывания. Участие в контрактах. Временные периоды. Контракты. Места. Границы. Топономика. Хронология. Технологии как процессы. Ресурсы. Условия. Следствия. Теории. Вероятность. Средняя экспертная.

Финский врач и языковед Элиас Лённрот в течение шести лет занимался сбором фольклорного материала. Он путешествовал по восточному Саво и Карелии, записывая за сказителями разные варианты песен, легших в итоге в основу поэтического эпоса. В первое путешествие Лённрот отправился в 1828 году, последнее состоялось в апреле 1834 года.

В то время, когда Лённрот записывал и обрабатывал старые сказания, в них, разумеется, еще не было заимствованных слов и буквам иностранного алфавита взяться было неоткуда. Во втором издании Калевалы, которое увидело свет в 1849 году, отсутствовали девять букв современного финского языка, а именно: b, c, d, f, q, w, x, z и å.

А куда пропала D?

Изначально в финском языке буква d и соответствующий звук отсутствовали. В многообразии финских диалектов этот звук встречался только в небольшом регионе неподалеку от Пори. Вместо d использовали так называемый звонкий спирант, который произносился так же, как первый звук в английском артикле the. Этот звук долго продержался в разговорном языке, особенно широко он был распространен в западнофинских диалектах.

В современном разговорном финском d до сих пор особой популярностью не пользуется, употребляют его в основном все там же – в регионе Пори.

Когда Микаэль Агрикола, традиционно считающийся отцом финской письменности, принялся за составление финского алфавита, то он столкнулся с проблемой переноса звука th на бумагу. В итоге Агрикола (не иначе, как с целью экономии ценного пергамента) все-таки склонился к мысли использовать для записи этого звука букву d или же сочетание букв dh. Это можно заметить, например, в первом составленном Агриколой букваре. Там слово sydän («сердце») приняло форму sydhen.

В семнадцатом веке возникла острая необходимость официально зафиксировать в финском письменном языке звук th, и именно с этой целью стали активно использовать заимствованную букву d. Библия, выпущенная в 1642, стала той печатью, которая скрепила новое написание: в тексте священной книги сомнительные спиранты заменили на понятную d.

D прокралась в финский язык из шведского

Уже в 18 веке звук th стал редкостью в разговорной речи. Его окончательно потеснил западный захватчик – буква d. Однако о повсеместном распространении d и речи быть не может: этот звук в современном разговорном финском по-прежнему чаще всего встречается в небольших регионах. Неприязнь к звуку d легко заметить, например, на тех изменениях, которым подвергается склонение местоимения *meidän* («наш») в диалектах. Так, например, в западных диалектах оно будет звучать как *meirän*, а в восточных – уже как *meijän*, в столичном жаргоне также бытует форма, в которой d отсутствует: *meiän*.

Одомашнивание D займет еще не один десяток лет

В последнее время в кругу лингвистов и языковедов стали звучать опасения на тему того, что типичные черты, присущие финским диалектам, исчезнут под натиском заимствований. В современном финском все больше слов, проникающих в язык из других культур: *diabetes*, *radio*, *Budapest* итд. Впрочем, в панику впадают не все. Многие ученые верят, что старые диалектные формы языка смогут удерживать свои позиции еще долгое время.

http://yle.fi/uutiset/kak_v_finskii_yazyk_prokralas_bukva_d_metamorfozy_pismennosti/6919841

[Словарь Даля 1903-1909 гг. Значение слова русский](#)